

Взгляд Ли Чжао неотрывно следовал за Девой Цзюнь. Та взяла деревянную расчёску и направилась к ней? Сердце вновь предательски заколотилось.

— Повернись. Не смотри на меня.

Нежный голос прозвучал в ушах, и Ли Чжао послушно повернула голову. В следующее мгновение на волосах ощутилась лёгкая прохлада, а затем — нежные движения расчёски. Её лицо мгновенно залилось румянцем, а тело застыло.

— Ли Чжао... расскажи мне, как прошли твои последние дни.

Эти слова застали Ли Чжао врасплох, и она на мгновение замолчала, не веря услышанному.

— Не хочешь — не надо.

Показалось ли ей, или в голосе Девы Цзюнь прозвучала лёгкая обида? Но, будь то так или нет, Ли Чжао не позволила бы ей грустить.

— Хочу! Если ты хочешь — я расскажу!

— Не будь говорливой.

Услышав это, Ли Чжао глупо улыбкунулась и поведала о событиях последних дней. Разумеется, она умолчала о том, как тосковала по ней каждую минуту, сосредоточившись на уроках бабушки Пу, праздновании Нового года в Городке Чжуе и некоторых делах своего учителя.

Дева Цзюнь, судя по всему, слушала внимательно. Расчёска в её руках то замедляла, то ускоряла ход, отчего Ли Чжао почувствовала лёгкий зуд в голове, который будто передался и сердцу — оно заныло, словно его ласкали пером.

Как хотелось схватить её руку и не отпускать никогда...

Но мысль тут же была подавлена. Ли Чжао, как всегда, сдержала порыв, и её рассказ постепенно смолк.

Воцарилась короткая пауза, прерываемая лишь тихим шорохом расчёски, бережно приводящей волосы в порядок. Тот, кто держал гребень, переживал сложную гамму чувств.

Она не ожидала, что Ли Чжао прошла через столь суровые испытания. Как же она усердствовала! Почему?

Ей было и понятно, и нет. Сердце сжималось от боли.

Хотя она и предполагала, что уход матери станет для этой глупышки тяжёлым ударом, но не думала, что дело зайдёт так далеко. К счастью, жители Городка Чжуе утешали и поддерживали её.

Вань Цзюнь почувствовала облегчение и порадовалась за неё — та обрела людей, ставших ей почти семьёй.

Но в то же время её не покидали смутные подозрения — не подарил ли этот ароматный мешочек кто-то из её прошлого, друг детства?

Хотя задавать такой вопрос было неуместно, Вань Цзюнь не удержалась:

— Ли Чжао, раньше ты не носила мешочек. Почему теперь...

— Мешочек? — Ли Чжао на мгновение задумалась, а затем улыбнулась. — Это тётушка Ли дала мне, чтобы хранить мелкие вещицы. Он тебе нравится?

Поняв намёк, Вань Цзюньи не стала настаивать — она не любила отбирать то, что дорого другим.

— Не нужно, — быстро ответила она, а затем спросила:

— Почему бы просто не положить их в рукавный мешочек?

Обычно, если вещи мелкие, но важные, для них зашивают отдельный кармашек в рукаве. Или хотя бы спрячут сам ароматный мешочек туда — ведь на поясе вещи легко потерять, особенно в странствиях.

— Э-э... То, что внутри, очень для меня важно, — сказала Ли Чжао. Она не могла признаться, что часто смотрит на мешочек, вспоминая её, и что, спрятав его в рукав, она лишь острее ощутит её отсутствие и впадёт в уныние.

Услышав это, Вань Цзюньи не стала допытываться дальше — её собственные мысли были в беспорядке. Не стоило спрашивать обо всём этом...

Заметив, что Дева Цзюнь замолчала, а расчёска уже покинула её волосы, Ли Чжао осторожно повернулась и взглянула на неё. Хотя выражение лица той разглядеть не удалось, она уловила лёгкое недовольство.

Почему? Ли Чжао задумалась. Единственное, что приходило на ум, — это «мешочек». Но она не понимала, почему Дева Цзюнь им заинтересовалась, да и была ли это вообще причина.

Как бы там ни было, сейчас она должна была...

— Дева Цзюнь, я хочу тебе кое-что показать, — сказала Ли Чжао, хотя ей было немного неловко.

Услышав это, Вань Цзюньи взглянула на повернувшуюся к ней Ли Чжао с лёгким недоумением. Затем она увидела, как та снимает мешочек и, кажется, собирается его открыть. В её сердце затеплились и страх, и ожидание.

Мгновение спустя — или, может, целая вечность — содержимое мешочка предстало перед глазами.

Глиняная фигурка и бинты?

— Это новогодний подарок от бабушки Пу. Она слепила моего учителя, — проговорила Ли Чжао, не решаясь смотреть на Деву Цзюнь. Её улыбка выдавала нервозность. Она протянула фигурку, надеясь, что та не обратит внимания на бинты.

Однако, взяв фигурку, Дева Цзюнь почти сразу спросила:

— А зачем тут бинты?

— Э-э... — Ли Чжао слегка опустила голову, сжала губы, и на лице её появилась неловкость.

Эта реакция... Вань Цзюньи спросила скорее мимоходом, но теперь ей действительно стало любопытно.

— Ты же только что сказала: «Если ты захочешь — я расскажу». Неужели это была шутка?

— Конечно, нет! — Ли Чжао тут же возразила, но затем замялась. — Просто... я...

— Ладно, я не хочу тебя принуждать, — сказала Вань Цзюньи. Хотя ей и вправду было интересно, она не желала ставить ту в неловкое положение. Да и себя она сейчас не узнавала — чуть ли не принуждала её словами...

Но Ли Чжао всё же ответила.

— Эти бинты остались с тех пор, с Снежной горы. Мне было жалко их выбросить, и я хранила, но потом... случился небольшой инцидент, их порвала собака... Тогда я попросила тётушку Ли сделать мне мешочек, чтобы хранить их. Вот, собственно, и всё...

Она по-прежнему не поднимала головы, и разобрать её выражение лица было трудно.

— Почему тебе было жалко? — Спросив это, Вань Цзюньи мгновенно пожалела, но слово не воробей.

И действительно, Ли Чжао подняла голову. В её глазах загорелся мягкий свет, в котором, казалось, таилось нечто невысказанное... что-то, чего нельзя было произносить вслух.

Она слегка приоткрыла губы, но прежде чем успела что-то сказать, Вань Цзюньи стремительно подняла руку и прикрыла ей рот.

Когда тёплые и мягкие губы коснулись её ладони, по телу Вань Цзюньи пробежала волна жара, смешанная с чем-то острым, словно ток. Она тут же отдернула руку, быстро повернулась спиной и произнесла дрожащим голосом:

— Я устала. Ты... делай, что хочешь.

Едва закончив фразу, она уже лежала на кровати, укрывшись одеялом и повернувшись спиной к Ли Чжао.

Ли Чжао также покраснела с головы до ног. Она едва сдержалась, едва не втянула Деву Цзюнь в объятия. К счастью, ногти впились в ладони, и боль помогла сохранить рассудок.

Теперь её охватили запоздалый страх и... лёгкое сожаление.

Она не могла не думать о том, что было бы, поддайся она тогда порыву.

— Детка, вот тебе совет: никогда не теряй хладнокровия. Даже если твою любимую убьют у тебя на глазах.

Резко тряхнув головой, Ли Чжао принялась шептать заклинание очищения разума, пытаясь подавить эти мысли.

Повторив его десятки раз, она наконец успокоилась и осмелилась взглянуть на Деву Цзюнь. Та лежала неподвижно — казалось, уснула? Тогда Ли Чжао отвела взгляд и осторожно задула свечу.

Лёгкий дымок поднялся в воздух, свеча погасла. Однако в этой комнате никто не спал.

На следующий день, едва занялась заря.

Вернулся Шао Цзые, искавший следы своей старшей сестры-учителя. В руках он нёс несколько свёртков с лекарственными травами — они были нужны сестре. Он планировал сегодня вместе с ней отправиться в горы за травами, а по возвращении заглянуть к младшему брату, который жил в гостинице с Лянь Цзялэ. Он полагал, что те, должно быть, собрали немало сведений о других Пятёрках, и было бы неплохо всё обсудить.

Что касается Цзянь Юя, то Шао Цзые не питал к тому ни малейшей симпатии — этот даосец явно строил глазки его сестре. Да и тот, будучи «старшим братом» среди молодёжи Тайхана, вечно был занят и редко показывался.

Размышляя об этом, Шао Цзые приблизился к хижине и, взглянув вперёд, никого не увидел. Он резко остановился, почувствовав неладное. Обычно в это время его сестра уже просыпалась, и из скромной кухни уже должен был подниматься дымок...

Неужели что-то случилось?

Прищурившись, он быстрыми шагами подошёл к двери хижины и трижды постучал.

— Тук-тук-тук.

Две женщины внутри, не спавшие всю ночь, пребывали в полном сознании и уже заметили приближение гостя. Однако обе не знали, как себя вести, и потому застыли в неподвижности, словно вкопанные.

Снова три стука, на этот раз сопровождаемые голосом:

— Сестра? — В нём слышалось недоумение.

На кровати, сохраняя одну и ту же позу, Вань Цзюньи, уже уставшая и онемевшая, понимала: если не ответить, тот, за дверью, вероятно, ворвётся внутрь.

Тогда станет ещё неловче. Поэтому она приподнялась, собираясь ответить. Однако из её губ вырвался лишь шёпот, хриплый и едва слышный. Только сейчас она заметила, что горло будто горело, и боль резала при каждом движении.

— Кх-кх-кх! — Внутренний жар вырвался наружу кашлем, который, казалось, рвал её горло изнутри.

<http://bllate.org/book/16264/1464318>